

Виргилиус НОРЕЙКА:

ГОЛОС МОЙ, КАК
ПРЕЖДЕ, БЕЗ ИЗЪЯНА

Виргилиус Норейка — эпоха в истории литовского советского музыкального искусства. Эпоха, к счастью, еще не завершившаяся... Встретиться с маэстро мне удалось в перерыве между репетициями в театре оперы и балета, что в центре Вильнюса. В репертуаре В.Норейки — более 40 партий, литовские почитатели творчества выдающегося певца могут увидеть его в любимых спектаклях, пожалуй, даже чаще, чем раньше, когда он был директором театра оперы и балета и у него очень много времени уходило на административные дела.

— Уважаемый Виргилиус, в России вас помнят и любят. До распада Союза вы бывали на гастролях в Москве, других городах России. Что-то давно не повторялись эти маршруты... Убежден: на ваших Отелло, Хозе, Ленского собрались бы, как и прежде, полные залы. Неужели вы не хотите выступать в России?

— Что вы! Очень хочу. И выступаю в России, но только в Калининграде — соседней с Литвой области. Гастролирую и в своей республике, и в соседних. Недавно был в Эстонии. Голос мой, как и прежде, без изъяна. Предложений поступает много. В основном выступаю с сольными концертами.

— Одно время ходили слухи, что вы хотите покинуть Литву...

— Видимо, речь идет о том приглашении, которое я получил от латиноамериканской академии пения в Каракасе — занять должность профессора. Вместе с женой — известной балериной Лоретой Бартусевичюте — мы поехали в Венесуэлу. Поработали немного, заработали и вернулись. Сейчас Лорета вновь в театре оперы и балета. О том, чтобы мы навсегда покинули родину, не могло быть и речи.

— Я слышал, что в советские годы у вас были проблемы во время гастролей на Западе: литовской эмиграции не нравилось ваше звание народного артиста СССР.

— Нет, не из-за этого звания ко мне с прохладцей относилась часть литовской диаспоры за рубежом, а из-за того, что я был директором театра. Считали, что, мол, я представлял партийную советскую номенклатуру...

— Но ведь вы — художник, у вас за плечами колоссальная работа, стажировка и спектакли в "Ла Скала", всенародное признание, и именно это послужило основанием для назначения на административный пост.

— Но не все это понимали. Ну да ладно, мне испортили нервы, я кому-то испортил — все в прошлом.

— А звание народного артиста СССР? Не было ли проблем из-за него после восстановления независимости Литвы? Помнится, некоторым художникам — лауреатам Ленинской премии — пришлось как бы оправдываться.

— Это дело совести того, кто оправдывался. А мне глаза этим званием никто не колол. Я получил его за свое творчество, заслужил упорным трудом. Почему я должен от него отказываться? Оно — мое.

— В вашей жизни однажды произошел эпизод, который мог бы совершенно иначе повернуть вашу судьбу. У вас был шанс стать не народным артистом СССР, а политическим заключенным. Зато в период восстановления независимости вы могли бы вознестись на вершину славы, но не стали рассказывать об этом эпизоде. И лишь недавно о нем стало известно. Расскажите, пожалуйста, о нем читателям "Труда".

— Вы имеете в виду эпизод с "запрещенными нотами"? Да, это было опасно. Я только потом осознал, какой серьезной угрозе подверг себя и родителей. Но и в тот момент понимал, что рискую.

Я тогда был секретарем комитета комсомола консерватории. Это был 1953 год. Ко мне подошла библиотекарь и сказала: поступило указание уничтожить ноты некоторых литовских и немецких композиторов, чьи произведения считались "вредными". В основном это были ноты композиторов, уехавших на Запад, а также произведения, написанные на стихи поэтов, покинувших страну в конце войны. В общем, мы посоветовались, и я решил тайно вынести часть музыкальной вокальной литературы из библиотеки. Все вынести было невозможно: произведениями были завалены столы. Все происходило, как в детективной повести. Отец сшил мне из простыни мешок, который я мог надеть под пальто. Ночью я отправился в библиотеку. Загрузил вокруг туловища запрещенную литературу и вышел как ни в чем не бывало. Если бы об этом узнали органы безопасности — несдобровать бы многим... Несколько десятилетий эти ноты хранились у нас дома, а потом вернулись к студентам.

— Мы знаем вас как выдающегося певца. А есть ли у вас иные увлечения?

— Увлечения есть. Люблю рыбную ловлю, охоту. Люблю поработать на своей усадьбе. Однако свободного времени сейчас даже меньше, чем когда был директором театра. Гастроли, преподавание не оставляют возможностей для развлечений. Я являюсь профессором академии музыки в Вильнюсе. Есть у меня и своя студия. Веду класс оперного мастерства в театре "Эстония".

— У вас много воспитанников. Есть ли среди них певцы, которые знают в России?

— Не только в России. Например, один из ведущих теноров мира Сергей Ларин — мой ученик. Он занимался у меня с подготовительного курса до диплома — Сергей окончил нашу консерваторию, несколько лет пел в нашем театре. Сейчас он поет и в "Ла Скала", и в нью-йоркской "Метрополитен опера", в других всемирно известных театрах.

— Как вы считаете: добились ли в жизни всего, чего хотели?

— Ну разве так можно сказать! Дело не в том, чего я добился. Просто жизнь идет своим чередом. Что-то радовало и огорчало раньше, что-то радует и огорчает сейчас. Я еще полон сил, и работа доставляет мне удовольствие.

— Будем надеяться, что российский почитатель оперы и вашего таланта еще встретится с Виргилиусом Норейкой...

— Я очень уважаю вашу страну, российское оперное искусство, российского зрителя. И, конечно, надеюсь еще не раз встретиться с ним...

Беседу вел
Юрий СТРОГАНОВ.

Труда - 15 мая - 15 мая - 15 мая